



ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Б. А. Успенский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том III

ОБЩЕЕ И СЛАВЯНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ



Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

ББК 81.2Р
У58

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16122*

Успенский Б. А.

У58 Избранные труды, том III. Общее и славянское языкоzнание. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 800 с.
ISBN 5-88766-009-0

Третий том открывается циклом статей по типологии языков. Наряду с общими статьями: «Проблема лингвистической типологии в аспекте различения “говорящего” и “слушающего”», «Отношения подсистем в языке и связанные с ними универсалии» и др., представлены работы, посвященные конкретным языкам, в частности, некоторым африканским (язык хауса) и палеоазиатским (кетским) языкам. В большей части работ этого тома рассматриваются славянские языки, прежде всего, церковнославянский и тесно с ним связанный русский литературный язык. Отдельная статья («История русского литературного языка как межславянская дисциплина») посвящена типологической специфике русского литературного языка. В ряде работ реконструируется русское книжное произношение, использовавшееся при чтении церковнославянских книг. Важнейшим источником для реконструкции этого произношения была обнаруженная автором традиция чтения церковных книг, сохранившаяся в некоторых замкнутых старообрядческих общинах. В некоторых работах, посвященных истории русского литературного языка, решаются общие лингвистические проблемы. Так, в работе «“Давно прошедшее” и “второй родительный” в русском языке» устанавливаются некоторые грамматические категории, общие для имени и глагола. Специальный цикл статей посвящен ранним (доломоносовским) грамматикам русского языка.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@kosheliev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-009-0

© Школа «Языки русской культуры», 1997
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
© В. П. Корпунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения «говорящего» (адресанта) и «слушающего» (адресата)

Вводные замечания

Лингвистическая типология часто мыслится как абстрактная теория, позволяющая определенным образом — по возможности, адекватно и экономно — описывать и сравнивать все вообще потенциально возможные языки. При таком подходе типологическая теория, как, впрочем, и всякое абстрактное описание, непосредственно не зависит от интерпретации изучаемых объектов, т. е. языков, — в том смысле, что изменение точки зрения на характер того или иного языка не должно отразиться на самой теории. Иначе говоря, типология рассматривает при таком подходе не сами языки, но некоторые описания языков (реальные или предполагаемые), причем строится так, что если описание языка окажется неадекватным, то изменится не сама типологическая теория, а лишь место данного языка в предлагаемой типологической классификации. Тем самым задача типологии сводится прежде всего к тому, чтобы очертить логическое пространство языков, т. е. исследовать потенциальные возможности языкового разнообразия.

Такой подход вообще в лингвистических исследованиях, т. е. подход, связанный с рассмотрением не непосредственно самих языков, но их описаний, — можно было бы назвать формальным; формальный подход представляется особенно оправданным применительно к типологии языков, если предназначать типологию для характеристики не какой-то ограниченной совокупности языков, но всех вообще языков (учитывая и

возможность расширения материала исследования с появлением новых данных)¹.

В то же время может мыслиться и иной подход к языку, направленный не на описания языков, но на какие-то реальные процессы, связанные с функционированием языка². Такой подход (его можно было бы соответственно обозначить как реальный) может мыслиться и применительно к типологии языков; в этом случае речь должна идти, видимо, не о сравнении каких-то зафиксированных представлений о языках (т. е. описаний языков), но о сравнении языков с точки зрения определенных процессов или тенденций, непосредственно проявляющихся в них.

В настоящей работе рассматриваются некоторые возможности представления такой «реальной» типологии: именно, типология языков рассматривается в плане говорящего (адресанта) и слушающего (адресата) или, в иной терминологии, в аспекте естественного анализа и синтеза речи.

2. Типологические проблемы, связанные с различием аспекта говорящего и аспекта слушающего, выступают особенно наглядно, когда речь идет об эффективности того или иного языка в процессе коммуникации. Представлялось бы заманчивым, действительно, сравнивать языки по тому, насколько удачно они выполняют свою роль в процессе передачи информации (в пространстве или во времени)³; можно думать, что такие вопросы достаточно давно ставились в типологии⁴. Очевидно далее, что эффективность (или неэффективность) того или иного языка определенным образом связана с характеристиками правильности (регулярности и симметрии) и сложности его системы, что имеет прямое отношение к проблемам обучения языкам в типологическом аспекте. С другой стороны, стремление к эффективности языкового процесса — и, соответственно, к оптимализации языкового кода — часто рассматривается как определяющий фактор в эволюции языка (см., например: Есперсен, 1941; Гринберг, 1958, с. 61); в этом же смысле говорят и о принципе экономии усилий как о движущем факторе при

языковых изменениях (Бодуэн де Куртенэ, Пасси, Поливанов, Ципф, Мартине и др.).

Но едва ли не при любом определении эффективности поражает разница языков (часто притом тесно связанных генетически) в этом отношении. Кроме того, с этой точки зрения трудно бывает объяснить различные «неэффективные» стороны языка (всевозможные нерегулярности, неправильности и т. п.).

При обсуждении проблемы эффективности того или иного языка (или тех или иных явлений в языке) в процессе речевой коммуникации естественно возникает необходимость уточнения, связанная с различием требований говорящего и слушающего к понятию эффективного языка.

3. Действительно, процесс речевой коммуникации в минимальном виде характеризуется, как известно, участием двух сторон: говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). При этом — что также стало уже общеизвестным, прежде всего благодаря работам Якобсона, — наряду с общим для обоих участников кодом языка можно говорить о специальной системе говорящего, т. е. своего рода кодирующим устройстве, позволяющем синтезировать текст (переходить от сообщения к тексту), и о системе слушающего, т. е. о декодирующем устройстве, позволяющем, напротив, анализировать текст (переходить от текста к сообщению)⁵. По заостренной формулировке Якобсона, «*attempts to construct a model of language without any relation either to the speaker or to the hearer and thus to hypostasize a code detached from actual communication threaten to make a scholastic fiction from language*» (Якобсон, 1961, с. 250).

Естественно, что критерий эффективности языка может быть различен с точки зрения говорящего и с точки зрения слушающего. Точно так же и экономия усилий может проявляться как с той, так и с другой стороны, причем очевидно, что экономия усилий говорящим часто может быть невыгодна для слушающего, и наоборот (ср.: Ципф, 1949). Таким образом, говорящий и слушающий вступают в известный конфликт друг с другом, который на деле оканчивается, очевидно, более или

менее удачным компромиссом между требованиями того и другого; при этом можно предположить, что та или другая тенденция — т. е. тенденция говорящего или тенденция слушающего — может возобладать в языке.

Преобладание тенденции говорящего или слушающего относительно легко констатируется в речи — ср., например, различие «полного» и «неполного» стилей у Щербы (1915) или близкое противопоставление «эксплицитного» и «эллиптического» субкодов у Якобсона (Якобсон, 1962б, с. 650), а также дифференциацию *Lento*- и *Allegroformen* в немецкой грамматической традиции; соответственно, внутри одного языка могут быть выделены состояния, ориентированные на говорящего, и состояния, где проявляются в большей степени тенденции говорящего⁶. Нас, однако же, будет интересовать типология языка, а не типология речи, т. е. те случаи, когда переход от одного состояния к другому невозможен внутри одного и того же языка. Соответственно, нас должно интересовать преобладание той или иной тенденции в самих языках, независимо от условий речи (т. е. языках, ориентированных на одни и те же условия: положим, взятых в наиболее эксплицитной форме), — а не в каких-то специальных состояниях языка — и *resp.* эффективность того или иного языка с точки зрения говорящего и с точки зрения слушающего. Факты же речи (эллипсис, асимиляция и т. п.) будут нами рассматриваться лишь постольку, поскольку они закрепляются в системных явлениях языка.

Таким образом, в принципе могут мыслиться «языки говорящих» и «языки слушающих», т. е. языки, где возобладала тенденция говорящего, и языки, где победил слушающий⁷. Иными словами, в принципе можно представить себе языки, идеально приспособленные для синтеза речи, и языки, идеально приспособленные для анализа речи, хотя на деле в естественных языках происходит, очевидно, — в той или иной степени — совмещение обоих типов (выяснить степень этого совмещения представляется чисто типологической задачей)⁸.

Наконец, если определить признаки лингвистического типа, выгодного для говорящих, и лингвистического типа, выгодного

для слушающих, может быть разработана методика оптимализации языка с точки зрения соответственно говорящего и слушающего — иначе говоря, методика определения для данного языка (т. е. для некоторых заданных в языке условий) оптимальной системы с точки зрения говорящего и оптимальной системы с точки зрения слушающего. В этом случае мы можем при исследовании того или иного языка преобразовывать его в идеальный (для данных условий) «язык говорящих» и идеальный «язык слушающих» и определять таким образом степень близости данного языка к тому или другому типу (степень близости обусловливается количеством трансформаций, необходимых для преобразования данного языка в соответствующий тип), а тем самым и степень участия того и другого типа в данном языке.

3.1. Как практически происходит влияние говорящего на язык — достаточно понятно, поскольку говорящий является активной стороной в коммуникативном процессе: при порождении текста он имеет возможность непосредственно проводить выгодные ему тенденции.

В то же время влияние слушающего, как это отмечал еще Пасси (Пасси, 1890, с. 122), выражается в его реакции: слушатель может контролировать говорящего своим поведением — он может не понимать, переспрашивать, неправильно реагировать и т. п., словом, затруднять процесс коммуникации, что и делает невыгодным для говорящего не принимать в расчет требования слушающего. С другой стороны, говорящий и сам может выступать в роли слушающего (т. е. в роли слушающего себя) при говорении, т. е. он может сам контролировать свою речь, пытаясь декодировать собственное сообщение (если же у него это не получается или получается неадекватно, он поправляется, говорит иначе)⁹. В этом случае корректирующая обратная связь проявляется внутри самого говорящего (иначе говоря, процесс коммуникации реализуется здесь внутри одного человека, который является вместе и говорящим и слушающим). По-видимому, у разных индивидов такая обратная связь наличествует в раз-

ной степени; у иных же она может вообще патологически отсутствовать, что, вероятно, близко уже к случаям афазии¹⁰. Можно предположить, что, если бы подобное контролирование речи происходило у всех говорящих (в некотором обществе) в одинаковой мере, это существенно отразилось бы на типологической специфике языка данного общества.

Вообще в индивидуальном плане постоянное противоречие между говорящим и слушающим в языке проявляется, по-видимому, при определенных видах афазии: афатик может произносить только с точки зрения говорящего, не учитывая интересов слушающего.

В то же время в плане социальном постоянное противоречие между говорящим и слушающим проявляется в случаях умирания языка: процесс исчезновения языка связан с резким возрастанием в нем полисемии, когда говорящие владеют языком в разной степени и, соответственно, одни и те же слова начинают пониматься слушающими во многих разных смыслах¹¹.

3.2. Можно думать, что на структуре естественных языков человеческого общества в очень сильной степени отражается то — очевидное для нас — обстоятельство, что говорящие и слушающие здесь попеременно меняются своими ролями: говорящие выступают в роли слушающих, и наоборот. В то же время, если представить себе противоположную ситуацию, при которой общество распадалось бы на два специальных класса: класс говорящих и класс слушающих (так, чтобы каждый член общества относился бы либо к тому, либо к другому классу), — нетрудно было бы предположить, что система коммуникации, принятая в данном обществе, существенно отличалась бы по своему устройству от естественного языка; при этом рассмотрение типологии естественных языков в аспекте говорящего и слушающего позволяет делать определенные гипотезы об особенностях построения такой системы коммуникации. Между тем в принципе близкая ситуация может быть обнаружена в некоторых обществах насекомых (см.: Хоккет, 1960, с. 402); нет оснований исключать

возможность аналогичной структуры общества и в инопланетных цивилизациях¹².

Точно так же, если представить себе естественный язык, рассчитанный на массовое восприятие, но не на массовое говорение, можно предугадать определенные особенности его типологии. Между тем нечто подобное может характеризовать — разумеется, в известных пределах — тот или иной этап развития общества. Ср., в частности, известное влияние массовой коммуникации на язык; но массовая коммуникация представляет по существу тот случай, когда немногие говорят для многих, и, следовательно, более важны — при наличии достаточно эффективной обратной связи — требования восприятия, а не требования говорения (в то время, как при отсутствии обратной связи более важными становятся, наоборот, требования говорящего)¹³.

Правомерно предположить, таким образом, что, если бы удалось построить типологию языков по их эффективности с точки зрения анализа и с точки зрения синтеза речи, это могло бы позволить в известной степени определять специфику структуры данного общества (как социальной, так, может быть, и психической) по типу языка, который в нем используется.

Лингвистические признаки тенденции говорящего и тенденции слушающего в языке

1. Рассмотрим различие требований говорящего и слушающего в процессе речевой коммуникации и в этой связи — возможные проявления той и другой тенденции в типологии языков.

Различие требований говорящего и слушающего, предъявляемых к оптимализации коммуникационного процесса, обусловлено прежде всего, очевидно, тем, что говорящий идет от системы к тексту (т. е. кодирует сообщение при помощи определенной лингвистической системы, выдавая на выходе текст), слушающий же, напротив, идет от текста к системе (т. е. декодирует получаемый текст).

Соответственно, если для говорящего наиболее существенна эффективная система, порождающая данный текст (тогда как на самый текст он обращает меньше внимания), то слушающему важен прежде всего достаточно отчетливый и полный текст (в то же время то, насколько легко или экономично порожден данный текст, ему, естественно, менее важно).

Говорящий стремится выдать больше информации за минимум времени; слушающий же заинтересован, наоборот, в том, чтобы эта информация была как-то рассредоточена во времени.

В самом общем плане можно было бы сказать, что если внимание говорящего обращено главным образом на парадигматику языка, то внимание слушающего преимущественно устремлено на его синтагматику. Действительно, для говорящего наиболее эффективной является система с возможно более развитой парадигматикой, т. е. такая, в которой каждая единица системы (на соответствующем языковом уровне) была бы противопоставлена возможно большему количеству других единиц; тем самым выбор той или другой единицы сразу несет очень много информации¹⁴.

Соответственно говорящий заинтересован в том, чтобы все возможности системы были реализованы в языке. Так, если система (фонологическая, грамматическая и т. п.) строится на противопоставлении единиц по k признаков, то идеальным для говорящего будет такое распределение единиц, при котором каждое возможное сочетание из k признаков было бы представлено в языке специальной единицей (т. е. реализовалось бы в языке в виде особой фонемы, либо особой граммемы, etc.)¹⁵; число единиц в такой оптимальной системе равняется, очевидно, 2^k .

Такая организация системы характеризуется симметричностью и полнотой. Иначе говоря, такая система характеризуется отсутствием пустых клеток; действительно, все вообще возможные сочетания дифференциальных признаков в ней реализованы и, соответственно, все признаки равномерно распределены между элементами системы.

Именно в случае системы без пустых клеток различительные возможности системы наиболее экономно и продуктивно исполь-

зованы. В то же время в случае наличия пустых клеток определенный дифференциальный признак в той или иной единице оказывается лишним (т. е. избыточным) или же неиспользованным (что свидетельствует о неэкономной организации системы: неполном использовании ее возможностей). Это может рассматриваться как проявление тенденций слушающего.

Действительно, система без пустых клеток, оптимальная для говорящего, слушающему определенно невыгодна (ср.: Гринберг, 1958, с. 82). В самом деле, такая система совершенно не гарантирует надежность речи, требуя от слушающего предельной точности восприятия и постоянного напряжения: малейшая ошибка в восприятии — сдвиг всего в один дифференциальный признак — достаточна, чтобы вместо одной единицы была воспринята другая, функционально ей противопоставленная. Между тем слушающему, конечно, необходима такая система, которая обеспечивала бы надежность восприятия при разных условиях (учитывая и возможность помех при передаче сообщения).

Иначе говоря, требования слушающего обусловливают необходимость пустых клеток в системе: тогда ошибка на один какой-то дифференциальный признак (неточное восприятие — скажем, при недостаточно отчетливом произнесении или при внешних шумах) не обязательно изменяет значение единицы в системе, т. е. не обязательно влечет за собой искажение информации¹⁶.

И действительно, системы без пустых клеток нехарактерны для естественных языков — но отнюдь не невозможны в них.

Пример реально существующей (а не искусственно построенной) системы без пустых клеток представляет собой система тюркского вокализма. Восемь гласных фонем, характерные для большинства тюркских языков (в качестве наиболее типичного примера может быть взят турецкий), равномерно противопоставлены по признакам растворя, ряда и огульности, причем любое сочетание из данных признаков реализовано в системе¹⁷:

	неогубленные	огубленные
широкие задние	а	о
широкие передние	ä	ö
узкие задние	у	и
узкие передние	і	ü

Из рассмотрения приведенной системы можно сделать вывод, что парадигматика тюркского вокализма определенно отражает интересы говорящего и сама по себе крайне невыгодна для слушающего, ставя его в очень трудные условия. Как же выходит из положения слушающий? Очень остроумным образом: делая уступку в парадигматике, он зато берет свое в синтагматике языка. Действительно, вокальный дифференциальный признак, точное опознание которого становится столь существенным для восприятия тюркской гласной, должен быть несколько раз повторен в синтагматической цепи: по известным законам тюркского сингармонизма он повторяется на протяжении всего слова, обусловливая необходимую для слушающего избыточность.

Итак, если требования говорящего полностью реализуются в парадигматике тюркского вокализма, то требования слушающего компенсируются зато в синтагматике. Таким образом, тюркский сингармонизм играет важную функциональную роль, компенсируя особенности парадигматических отношений гласных. Тюркские языки являются пример необыкновенно удачного компромисса, установившегося равновесия между требованиями говорящего и слушающего. Нельзя ли считать, что этим удачным решением проблемы (т. е. конфликта между говорящим и слушающим) и обусловлена классическая стабильность тюркского типа¹⁸?

В качестве примера системы без пустых клеток на ином уровне языка (хотя, по-видимому, и с большими возможностями неодинаковой интерпретации, нежели в предыдущем примере) может быть приведена система падежей русского языка. Как показано в работах Якобсона (Якобсон, 1958, с. 149, а также Якобсон, 1936), восемь падежей русского языка образуют гармонич-

ную систему (систему без пустых клеток), в которой значение каждого падежа образуется из сочетания признаков «объемности», «периферийности» и «наделительности». Таким образом, система русских падежей предстает как совершенно изоморфная вышеприведенной системе тюркских гласных; в то же время — подобно тому, как дифференциальный признак гласной должен повторяться на протяжении тюркского слова, обеспечивая необходимую избыточность, — дифференциальные признаки того или иного падежа так же повторяются при согласовании в синтагматике русского предложения¹⁹. (При этом в силу частого синкретизма падежных форм в адъективных окончаниях правомерно говорить именно о повторении при согласовании не самого падежного значения, но непосредственно дифференциальных признаков падежей, что делает аналогию с тюркской гармонией гласных еще более близкой.)

Точно так же систему без пустых клеток представляет наиболее продуктивная система образования глагольных основ классического тибетского языка (см.: Лекомцев, 1963, с. 148). Однако эта парадигматическая экономность компенсируется в синтагматике языка тем, что значение глагольной основы может дублироваться (аналогично вышеприведенным случаям) путем присоединения к основе специальных грамматических показателей — чем и обеспечивается необходимая для слушающего избыточность.

Итак, говорящий стремится к наиболее рациональной организации элементов в системе: он стремится, в частности, перераспределить функциональную нагрузку элементов таким образом, чтобы все элементы стали функционально равно важными. Слушающий же заинтересован в том, чтобы не было функционально равноценных элементов, так как тогда нет предсказуемости, избыточности сообщения.

Для слушающего вообще, как это уже неоднократно отмечалось в литературе, и прежде всего в работах Якобсона (см., например: Якобсон, 1961, с. 249; Якобсон, 1962а, с. 55), характерен вероятностный подход к получаемому им сообщению, состоящий в эвристической процедуре последовательной оценки

степени вероятности той или иной интерпретации воспринимаемого текста. В то же время подход говорящего в большой степени может быть, по-видимому, описан как детерминистический²⁰.

Соответственно, если характерным признаком лингвистического типа «говорящих» является парадигматическая сложность и экономная организованность системы (выражающаяся в оптимальном случае в отсутствии пустых клеток в системе), то признаком языка «слушающих» являются всякого рода плеонаэмы и вообще явления, обеспечивающие избыточность (в системе или в тексте). Оценка степени участия пустых клеток при типологическом сопоставлении соизмеримых систем разных языков на некотором уровне (разумеется, с учетом потенциальных возможностей, представленных в той или иной системе)²¹, а также типологическое исследование разных языков по тому, насколько закономерны в том или ином рассматриваемом языке плеонастические явления, могут способствовать — наряду с другими характеристиками — строгому определению роли говорящего и слушающего в данном языке (и, соответственно, определению степени приближения данного языка к типу говорящих или к типу слушающих)²².

2. Выше были рассмотрены некоторые характерные для говорящего и слушающего тенденции, направленные непосредственно на организацию системы языка на том или ином уровне (что в конечном итоге отражается и на синтагматике языка). Рассмотрим теперь противоположные тенденции обоих участников языкового процесса, проявляющиеся в первую очередь в отношении явлений текста, а не системы, а затем уже отражающиеся и в явлениях системы языка.

Заинтересованности слушающего в избыточности, предсказуемости получаемого им сообщения противостоит стремление к экономии усилий у говорящего. Стремление к экономии усилий проявляется в общей тенденции говорящего сокращать число элементов в тексте — как в количественном отношении (тенденция к минимальной длине текста, т. е. к сокращению вообще числа элементов в тексте), так и в качественном отношении (тен-

денция к сокращению числа разных элементов, в том числе и разных дифференциальных признаков, в тексте).

В первом случае речь идет о всякого рода эллипсисе, т. е. опущении информации, которая кажется избыточной; во втором случае речь идет о всевозможных ассимиляциях (включая сюда и вообще редукцию усилий говорящего). При этом ассимиляция во многих случаях представляет собой первую, так сказать, переходную ступень в борьбе с избыточностью, которая — в случае ее успешного осуществления (т. е. закрепления в системе языка) — делает возможным следующий, на этот раз уже окончательный шаг: опущение (эллипсис) избыточного элемента.

Действительно, тенденция говорящего — непосредственно обусловленная стремлением к экономии усилий — ассимилировать как можно больше. Тенденция к ассимиляции, характерная вообще для речи, может закрепляться в системе языка в виде разного рода сандхи и фузий; непосредственно связанная с ней тенденция к редукции произносительных усилий может проявляться в языке в форме таких явлений, как, например, редукция гласных или вообще всевозможные нейтрализации (на самых разных уровнях языка).

В то же время слушающий заинтересован, напротив, во всяческой диссимилиации. Слушающий вообще может допустить реализацию ассимиляционных тенденций у говорящего лишь в той степени, в какой она не приводит к потере различительной силы (т. е. к появлению омонимов), но заинтересован он еще и в определенной избыточности различительных признаков²³.

Аналогичное несоответствие имеет место и в отношении эллиптических тенденций говорящего. Говорящий вообще ориентируется на контекст, на ситуацию — поэтому то, что кажется ему очевидным из контекста, он может и опустить; эти тенденции говорящего могут при определенных условиях закрепляться в соответствующих явлениях системы языка. Они входят в противоречие, однако, с интересами слушающего, у которого как раз обратная задача — восстановить ситуацию из текста.

Соответственно, как это уже отмечалось Якобсоном, для говорящего не существует омонимии; она в принципе может существовать только для слушающего (Якобсон, 1961, с. 249; Якобсон, 1962а, с. 55). При этом вышеупомянутые тенденции говорящего делают выгодным для говорящего увеличение количества омонимов в языке (это относится как к лексической, так и к грамматической омонимии — о последней см. ниже). Слушающий же старается сделать язык таким, чтобы количество ситуаций, в которых неразличение омонимов релевантно (вызывает затруднения), было минимальным — т. е. стремится к тому, чтобы омонимы принадлежали к различным, обыкновенно не пересекающимся между собой контекстам²⁴; так устанавливается определенное равновесие между слушающим и говорящим.

Исследователи отмечают иногда, что допустимость омонимии — различна для разных языков (см.: Трнка, 1931, с. 153–154; Косериу, 1963, с. 227). Это может рассматриваться как прямое свидетельство различной степени влияния говорящего в этих языках.

Вообще вышеупомянутая тенденция к общему сокращению и уподоблению элементов в тексте, непосредственно связанная со стремлением говорящего к экономии усилий, при благоприятных для говорящего условиях может приводить к снятию определенных противопоставлений в языке, а соответственно и к сокращению общего количества элементов в той или иной системе языка²⁵.

В максимальной степени указанная тенденция к сокращению элементов в системе может наблюдаться в речи афатика, у которого, как уже говорилось, по-видимому, могут реализовываться исключительно требования говорящего без учета требований слушающего (т. е., иными словами, может отсутствовать обратная связь). Ср. такие характерные для афатической речи явления, как «склеивание» (дефонологизация) разных фонем или аналогичное «склеивание» разных слов (с соответственной нейтрализацией фонологических и семантических противопоставлений) и связанное с этим возрастание омонимии и полисемии. (Ср. в этой связи также всевозможные ассимиляции,

ликвидацию консонантных стыков и другие признаки «языка говорящих» в речи афатика²⁶.) Аналогичные явления нетрудно обнаружить и в детской речи, которую, как доказано в работах Якобсона (см. прежде всего: Якобсон, 1941), в общем виде правомерно рассматривать как зеркальное отображение афатических процессов.

Можно отметить, что в области фонологии совокупность признаков лингвистической «системы говорящих» в общем аналогична чертам «примитивной системы» в понимании Мальмберга (Мальмберг, 1964, с. 80–81).

Итак, относительная оценка роли говорящего или слушающего в различных языках предполагает типологическое исследование языков по степени участия всевозможных ассимиляционных процессов в их фонологии, морфонологии и грамматике; эллиптических конструкций — в их синтаксисе; сопоставление языков по распространенности омонимии в их лексике; наконец, вообще сравнение определенных систем разных языков по количеству системных единиц и по степени возможной нейтрализации имеющихся противопоставлений.

3. Тенденция к экономии системы у говорящего проявляется не только в омонимии слов (словоформ), но и в омонимии формальных (грамматических) элементов. Такие явления (характерные, между прочим, прежде всего для флексивных языков), как омонимия флексий, синтез служебных элементов (т. е. синтетическое выражение в одной морфеме значений разных категорий), их синкремизм (т. е. совмещение в одной морфеме разных значений одной категории), нулевые элементы и т. п., — могут рассматриваться как специальные признаки «языка говорящих», т. е. признаки проявления тенденции говорящего в языке. Действительно, явления подобного рода явно способствуют как экономическому распределению элементов плана выражения относительно определенной системы плана содержаний в парадигматике языка (т. е. в конечном итоге эффективной организации соответствия элементов плана выражения элементам плана содержания), так и достаточно сжатой

передаче информации в синтагматической цепи. В то же время очевидно, что такие явления могут вызвать определенные затруднения при анализе текста, будучи тем самым явно невыгодными для слушающего.

Экономичность подобного распределения элементов плана выражения относительно элементов плана содержания обусловлена прежде всего тем, что план содержания языка распадается на частные микросистемы, каждая из которых самостоятельно организована, тогда как система плана выражения может быть общей для всей совокупности систем плана содержания. Иными словами, множество граммем языка, каждая из которых входит в специальную систему плана содержания (т. е. кодируется специальным набором дифференциальных признаков), отображается на множество морфов, каждый из которых кодируется в виде последовательности фонем (т. е., в общем, одним набором дифференциальных признаков). При этом стремление говорящего к оптимализации системы (в частности, к минимуму пустых клеток в системе — см. выше) может быть направлено по отдельности как на каждую из частных систем плана содержания, так и, независимо, на общую систему плана выражения. Отсюда следует выгода для говорящего непрямого соответствия элементов плана выражения и плана содержания, т. е. эффективность вышеупомянутых явлений.

Между тем слушающий, который заинтересован, напротив, в возможно более однозначном и обратимом соответствии элементов обоих планов, стремится к морфонологической упорядоченности языка, т. е. к установлению определенных закономерностей в выражении тех или иных грамматических значений. Такие явления, как дифференциация фонемного состава в разных категориях морфем в языке (например, различная фонология — включая сюда и явления просодии — в корневых и служебных морфемах языка) или в разных категориях слов (например, в имени и глаголе), могут рассматриваться как специальные проявления соответствующей тенденции слушающего (ср. также понятие «канонической формы» у Хоккета — Хоккет, 1958, с. 284–285, § 34.1)²⁷. Характерно в этой связи на-